

АКТЕР театра и кино, создатель Культурного центра имени В. М. Шукшина **Георгий Иванович Бурков** умер в больнице 19 июля 1990 года. Смерть оглушила своей нелепостью, неожиданностью, несправедливостью. Впрочем, кто согласится со справедливостью смерти, когда она касается людей любимых, дорогих, близких? А он был любим и близок даже тем, кто не был с ним знаком.

В годовщину смерти после кладбища поехали к Татьяне Сергеевне Бурковой, жене Георгия Ивановича. За год с небольшим знакомства успели перейти на «ты».

— **Таня, можешь одним словом определить, каким Георгий Иванович был человеком?**

— Любимым.

— **Он бывал злым?**

— Нет. В гневе да, а злым нет. Да и в гневе я его видела за двадцать пять лет редко. Мне кажется, добрые не могут

десятом классе начал писать роман. Не соглашаясь с соцреализмом, придумал себе идею коммунистического реализма. Изучал Ленина, Маркса, хотел сам докопаться, без помощи толкователей и комментаторов. В результате вот... Пришел к коммунистическому реализму. И верил в возможность такого реализма искренне, убежденно. Доказывал, обосновывал. Но главным своим делом считал литературу. Она была его воздухом.

— **В каком году у вас родилась дочь?**

— В 1966-м.

— **А почему назвали Машей?**

— В честь Жориной мамы. Если бы родился сын, назвали бы Ваней в честь отца. С Машей он нянчился особо, не сюсюкался. Вообще он детей считал лучшей частью человечества, а детство — лучшим периодом жизни.

— **У многих впечатление о Георгии Ивановиче как о балагуре, бабнике...**

Маша Комарова - 1993 - 1324В

А РАЗВЕ ОН УМЕР?

злиться, они гnevаются. Гнев — категория таланта.

— **Если не секрет, что служило поводом?**

— Однажды, в молодости, причиной гнева была я. Что-то стала «накручивать», «эзанесло», как это у нас по-бабски бывает... После этого всегда старалась себя поприжать, если чувствовала, что он закипает, — как-то смягчить ситуацию. Но главным поводом для него, главное, что могло его подвинуть к гневу была

— Да. Он не любил скованности, натянутости в общении, всегда хотел, чтобы люди чувствовали себя уютно, свободно. Поэтому и байки, и смешные истории, и показ в лицах... На него не обижались. Бывает юмор жестким, и ядовитым, а у него юмор был добрым. Про себя придумывал, чтобы посмеяться. Сочинял иногда, выдавая за правду. Фантазер необыкновенный. Наговаривал на себя, чтоб раскрепостить того, с кем говорил. Шукшин очень любил слушать Жору — ему

ствовал смерть. В его записях часто встречается фраза по поводу себя: «Аннушка уже купила подсолнечное масло...». Вообще у него много пророческих записей. Кто-то нагадал ему время смерти, так он мне потом говорил: «Я живу лишние два года. Тащишь меня своими травами...». А врачи после вскрытия спрашивали: «Как он жил с такими сосудами?». Отчего умер? Был дома, запнулся за столик, упал на подлокотник дивана и сломал бедро. Перелом спровоцировал отрыв тромба... После операции, на третий сутки, тромб попал в легочную артерию.

— **Таня, когда и как вы встретились?**

— В 1985 году. Сидели в театре с девчонками, что-то рассказывали, хохотали. — молодые были, шумливые. И оказалось, что в нашей компании незамужней оказалась одна я. Зашел разговор о том, что взяли в театр нового актера, что он очень смешной. Начали меня «подкалывать»: «Смотри, Танька, не твой пришел!». И действительно, смотрю — подходит к расписанию, где висят приказы об очередном распределении на роли, очень смешной человек: высокий, в сумочных коротких брюках; красный свитер в горошек и сиреневый пиджак. Спрашиваю: «Вы Бурков?» — «Я». — «Значит, вы играете моего отца». — «А если вы такая-то, значит, вы играете мою дочь». Разговорились, отметила, что с ним очень легко говорить, — добром, что ли, повеяло... Вместе вышли из театра, проводил меня до остановки. Не могу сказать, что у нас началось с любви, — потом уж... Началось с того, что во многом совпали взгляды. Много говорили, делились. Но все произошло очень быстро: в марте познакомились, в июне уже поженились.

— **Таня, вы прожили вместе двадцать пять лет...**

— Я счастлива, что посвятила жизнь ему. Но вот его не стало — и страшно. Разбираю Жорины архивы — дневники, записки, заметки сценариев, рассказов, какие-то размышления — и с ужасом вижу, что не знала и одной сотой его глубинной, потаенной, фантастически энергичной духовной жизни. Сейчас часто вокруг говорят: «Да мы с Жоркой!.. Да я его как облупленного знаю!» Тяжело это слышать. Ничего никто не знает. Разбираю архивы и понимаю, какой огромности — неожиданной для меня, каких масштабов мышления, глубины был он человек. Для меня это открытие. Пока занимаюсь архивом, как бы с ним. Увлекаешься, есть ощущение его присутствия. Ну а когда закончу... Не знаю. Пустыня.

— **Он был практичный человек?**

— Совсем непрактичный. Это и не комплимент, и не недостаток. Скажу банальное определение, но это так: он был большим ребенком. Возможно, за стенами дома кому-то мог показаться и иным, но дома человек раскован, больше проявляется его истинное лицо. Большой ребенок. И совершенно не приспособленный к быту. Не любил ходить в ресторан, не любил магазины, не любил ездить за границу — ему там было неуютно. Сидел больше в номере, писал, читал. Что он носит, что ест, его мало заботило. На гастролях в Польше возле гостиницы в магазине продавали хорошие пиджаки из кожи. Уговаривали его спуститься, померить и купить. Уговаривала я, актеры — не пошел. Подобрали человека, похожего по комплекции, примерили, я купила, принесла. К счастью, пиджак оказался впору.

— **Таня, как он чувствовал себя после операции?**

— Нормально. Старался восстановиться поскорее, начал делать физические упражнения... Но он все же предпочитал, что скоро — все. Врачи не знали, а он, мне кажется, знал.

— **Какие были его последние слова?**

— Я говорила с ним за час до смерти. Когда собралась уходить, увидела его взгляд — острый, пронзительный. Он смотрел прямо мне в глаза, но как-то сквозь меня, далеко-далеко. Сказала ему: «Держись, Жора, держись». И он ответил: «Продержусь, сколько смогу». Но вот странно. Потом мне стало казаться, что он сказал совсем другое. Стало казаться, что он сказал «Я, наверное, умру». Странно, но так. «Я, наверное, умру».

ГЕОРГИЙ Бурков похоронен на Ваганьковском кладбище. Гранитный крест на гранитном основании. Основание вырублено из того же куска гранита, что и памятник В. М. Шукшину на Новодевичьем кладбище. Надпись скромная, без перечисления регалий. Цветы, портрет, свечи. Мимо шли люди.

— **Сматривал Бурков?**

— **Где?**

— **Да во-он крест.**

— **А он разве умер?**

**ДРАМАТУРГ
ВЛАДИМИР
ГУРКИН, АВТОР
ЗНАМИТОЙ
ПЬЕСЫ
«ЛЮБОВЬ И
ГОЛУБИ», И
ГЕОРГИЙ
БУРКОВ
НАЧИНАЛИ
РАБОТАТЬ
НАД НОВЫМ
ФИЛЬМОМ...
НЕ УСПЕЛИ...**

глупость. Глупость человеческая. Непробиваемая глупость.

— **И как выражался гнев?**

— Как-то перевернул стол, схватился за голову и вышел.

— **Много лет назад, когда я работал в Иркутске, в Омске, среди актеров ходила легенда: вот, мол, Бурков... Учился на юрфаке, бросил, два года просидел в Ленинке и стал классным артистом. А как на самом деле?**

— А знаешь, почти так и было. Закончил три курса юридического в Пермском университете, бросил, ходил в театральную студию при Доме офицеров два года. Студия была полупрофессиональная, занятия проводились по вечерам, а днями Жора пропадал в библиотеке, нигде не работал. Если занятий не было, просиживал в библиотеке допоздна, до закрытия. Рассказывал, помню: «Когда я вечером возвращался из библиотеки, я больше всего боялся милиционеров. Вдруг подойдет и спросит: — Почему вы не работаете?» Да, занимался самообразованием. В двадцать лет составлял себе планы, списки книг, которые должен прочесть... После нашей свадьбы мы с ним действительно года два все свободное время проводили в Ленинке. Он очень хорошо ориентировался в библиотеке: то, что ему было нужно, находил мгновенно. Кстати, до сих пор приходят выписанные им издания.

— **Где он работал после студии?**

— Березники, Пермский областной театр, Кемеровский.

— **Не жалел, что переехал в Москву?**

— Нет, не жалел. Он рвался в Москву. Считал, что свои планы может реализовать только в Москве. Хотел организовать вообще новое театральное течение. Но провинцию любил и считал, что у бабушки на печке в ребенка доброго и толкового закладывается намного больше, чем в урбанизированном обществе.

— **А как попал в Москву?**

— Его увидел главный режиссер Театра имени Станиславского Львов-Анохин. Замечательный режиссер. Кажется, это было на гастролях в Минске, где Жора был с Кемеровским театром. В конце 1964 года начались переговоры, а в марте шестьдесят пятого он уже был в Театре Станиславского. Стал хорошо и много работать, но хотел всегда заниматься литературой. В

нравилось, как он мог разговаривать человеком.

— **Таня, как они встретились?**

— Василию Макаровичу порекомендовали его на фильм «Печки-лавочки». Вот, мол, есть очень хороший смешной артист. До фильма они не были знакомы. Шукшин пригласил на пробы, и после этого... Как говорят о любви с первого взгляда, так и у них: прониклись друг к другу с первой встречи, с первого знакомства. После этого — только и говорил о Шукшине. Не замолкал, мог говорить не переставая.

— **Когда я смотрел фильм «Они сражались за Родину», мне казалось, что в парных сценах Шукшина с Бурковым, вне зависимости от того, нравится тебе фильм или не нравится, есть нечто, помимо текста, мизансцен, есть труднообъяснимая, глубокая-человеческая связь.**

— У Василия Макаровича с Жорой было много общего.

— **В чем они сходились?**

— В самом главном. В отношении к любви — в широком понимании: любовь к матери, к Родине, к детям. Никогда не иронизировали по поводу честности, добра, милосердия, Шукшин производил впечатление жесткого, сурового, замкнутого человека, а был очень раним, поэтому и бывал резким, нервным, но никогда — злым. Гневным бывал, а злым — никогда. Так вот, и Шукшин, и Бурков вообще избегали говорить о высоких понятиях, особенно Шукшин. А друг с другом себя не сдерживали, были откровенны, могли часами говорить. Ну а с посторонними... Наверное, не хотели пачкать. Заговаривается, обсмеивается у нас все очень быстро.

— **Шукшин пользовался идеями, рассказами Буркова?**

— Это имело другой характер. Они хотели создать принципиально новый театр, мечтали о возрождении культуры — их идеи сплавились в единое. В чем-то Шукшин помогал Буркову, в чем-то Бурков — Шукшину. Они были друзьями. После смерти Шукшина Жора писал ему письма. Этот цикл он так и назвал «Письма к другу». И вот, разбирая архив, я нашла такую фразу: «Должен признаться, что после смерти Шукшина у меня нет друзей».

— **После смерти Василия Макаровича и его жизнь как-то поменялась?**

— Да. Все свои планы он развернул в

Владимир ГУРКИН.